

Крестьянинов Артем Валентинович

канд. ист. наук, доцент

ЧОУ ВО «Казанский инновационный
университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»

г. Казань, Республика Татарстан

**КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ «ИНОРОДЧЕСКИМ»
НАСЕЛЕНИЕМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: СОВРЕМЕННЫЙ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация: в статье исследуется современная историография институциональной религиозной политики в Поволжье в дореволюционный период. Анализ данного аспекта историографии позволяет проследить различные методы и подходы к проблеме изучения формирования и функционирования конфессио-нальных институтов в Российской империи, посредством которых управлялись различные религиозные группы в регионе.

Ключевые слова: историография религиозной политики, Поволжье, институциональная история, конфессиональные институты.

Религиозная политика в Поволжье в Российской империи является одним из актуальных направлений в современной российской и зарубежной историографии. С 1990-х годов в исторической науке появились исследования, затрагивающие отдельные аспекты взаимоотношений имперских властей и различных конфессиональных групп в Российской империи [6, с. 7]. Это было вызвано пересмотром предшествующей советской историографии с ее классовым подходом к исследованию религии и церковно-государственных взаимоотношений.

Американский историк Пол В. Верт, изучая такое историческое направление как «народное православие» (Lived Orthodoxy), выделяет несколько основных течений в историографии конфессиональной политики – «народное православие», «модерное общество и религия» и «мультиконфессионализм» [13, р. 250]. В тоже время в рамках данных направлений можно выделить и такое течение как «институциональная история» религиозной политики в Российской

империи. Под институциональным направлением понимается то, как создавались и функционировали различные религиозные институты в Российской империи, в частности в Поволжье, в дореволюционный период: их административная структура, деятельность отдельных религиозных лиц и миссионерских организаций и духовных образовательных учреждений.

Прежде всего, в современных исследованиях существует определенная тенденция концептуализации религиозной политики. Поэтому в какой-то степени основной фокус направлен на сравнительно-сопоставительные исследования того, как государство создавало различные конфессиоанльные институты. К данной проблеме обращались как российские, так и зарубежные историки. Так в своих работах Е. А. Вишленкова провела комплексное исследование формирования централизованной системы управления различных конфессиональных групп посредством создания высших органов управления «вероисповеданий» при Александре I. По мнению исследователя, централизация и создание таких высших духовных управлений являлось свидетельством «монополизации духовной жизни в государстве» [2, с. 60], а также распространением экуменической идеологией [2, с. 88–89], которой была подвержена российская властная элита Александровской эпохи.

Американский историк Пол Верт предлагает немного иное видение «институционализации конфессиональных различий» [11, р. 152–153]. По мнению американского историка, имперскую политику по институционализации конфессионального управления стоит рассматривать в более широких хронологических рамках, а именно с правления Петра I (с учреждения Синода) и до правления Николая I. Пол Верт разделяет этот период на два хронологических отрезка. Первый период, затрагивает правление Екатерины II и Александра I, когда появились высшие религиозно-административные органы, контролирующие деятельность конфессий, непосредственно подчиняющихся первоначально Главному управлению духовными делами иностранных исповеданий при Александре I, а затем Министерству внутренних дел при Николае I. Второй период связан с законодательным оформлением духовных ведомств «иностранных исповеданий»

(появление уставов, регулирующих деятельность конфессий). По его мнению, имперские власти формировали данные высшие религиозные учреждения на основе уже имеющихся институтов (армянский католикос), или комбинировало с традиционными и модерными элементами (сибирские буддисты), или учреждало абсолютно новые институты (Оренбургское магометанское духовное управление (ОМДС – *здесь и далее сокращения автора*) и протестантские консистории), или создавали на основе аналога православного Синода (католические коллегии) [12, р. 152–172].

Другой американский историк Роберт Круз (Robert D. Crews) обращается к не менее важной проблеме, а именно к открытости или изолированности религиозных сообществ в империи от светских властей. Роберт Круз в своей концепции «конфессиональное государство» показывает то, как государство поддерживало ортодоксальность религиозных вероучений, на примере ислама в империи, борясь с не-»ортодоксальными» религиозными движениями. В этом контексте государство выступало не столько, как эксплуататор с «шовинистическими» наклонностями, а как защитник и «патрон» религии мусульманских подданных [10, р. 52].

Помимо данных концептуально-обобщающих трудов в современной историографии появились отдельные исследования о функционировании мусульманских и миссионерских институтов в Поволжье. Так историк Д.Д. Азаматов в своей книге об ОМДС [1] показывает административную структуру, состав и основные направления в деятельности данной религиозной организации. Историк описывает противоречивые взаимоотношения между центральными и местными властями с мусульманским управлением, а также специфику разрешения ОМДС судебных споров по отдельным гражданским вопросам внутри мусульманского сообщества Поволжья и Приуралья [1, с. 123–181].

Исламскими институтами и их значением для мусульманского сообщества занимается историк И.К. Загидуллин. Однако он не ограничивается только деятельностью ОМДС. В своих исследованиях он практически впервые показывает законодательное регулирование функционирования мусульманских ритуалов и

мечетей в Поволжье и Сибири [4]. Особенностью его работ стал анализ того, как имперские власти регулировали мусульманские ритуалы в различных социальных ситуациях (в армии, ярмарках, гражданских и учебных заведениях). И.К. Загидуллин в своих трудах указывает, что имперские власти являлись активными акторами в регулировании мусульманских ритуалов в функционировании государственных учреждений [4, с. 234], а также в регламентировании строительства мечетей в империи [3, с. 248].

Помимо исследований мусульманских институтов, историки также обратились к деятельности миссионерских организаций в Поволжье в дореволюционный период. Так Р.Р. Исхаков в своей монографии проанализировал деятельность миссионерских организаций среди мусульманского населения Поволжья. В первую очередь он исследовал реакцию православного духовенства на «отпадения» в ислам новокрещенных, а также и реакцию самих отпавших на действия миссионеров. Историк показывает то, как изменялись миссионерские институты на протяжении XIX века, трансформируясь от административных методов принуждения к образовательным инструментам [5, с. 214].

Историк А.Н. Понятов проанализировал процесс формирования миссионерской организации «Братства святителя Гурия» [7]. В данной работе показаны основные направления в деятельности, социальный состав и идеологическую составляющую братства. А.Н. Понятов приходит к традиционному выводу о том, что в основе идеологической составляющей миссионерского братства были «обрусительные» задачи. Однако уже в дореволюционной историографии о данной проблеме сложились противоречивые оценки. Безусловно, преобладали интерпретации о русификаторском характере братства [8, с. 764]. В тоже время были отдельные исследователи, которые доказывали, что целью школ братства было укрепление этнического самосознания крещеных «инородцев» [9, с. 91].

Таким образом, в российской и зарубежной историографии были сделаны определенные достижения в области изучения конфессиональной институционализации, посредством которых имперские власти управляли собственными подданными. Данные исследования показывают, что имперские власти на

протяжении XVIII–XIX веков поддерживали конфессиональные различия, на основе созданных ими высших религиозных ведомств. При этом власти не ограничивались только регуляцией административных структур, но также позиционировали себя как защитников «ортодоксальности» каждой из признанных конфессиональных групп. В значительной степени это было характерно и для Поволжского региона, где власти контролировали и управляли конфессионально разнообразным населением посредством религиозных институтов – православных и мусульманских. Данные факты свидетельствует о своеобразной форме модерной конфессионализации.

Список литературы

1. Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. / Д.Д. Азаматов. – Уфа: Гилем, 1999. – 193с.
2. Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи / Е.А. Вишленкова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. – 188 с.
3. Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: мечети в Европейской части России и Сибири / И.К. Загидуллин. – Казань: татар. кн. изд-во, 2007. – 416 с.
4. Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь) / И.К. Загидуллин. – Казань, институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – 462 с.
5. Исхаков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья / Р.Р. Исхаков. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2011. – 221 с.
6. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм / А.И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.
7. Понятов А.Н. Миссионерская деятельность «Братства святителя Гурия» в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук / А.Н. Понятов; Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ. – Казань, 2007. – 286 л.

8. Смирнов И. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики / И. Смирнов // Исторический вестник. – 1892. – Т. XLVII. – С. 753–765.
9. Чичерина С.В. Как началось дело просвещения восточных инородцев / С. В. Чичерина. – СПб., 1907 (Сенатская типография). – 92 с.
10. Crews R. Empire and confessional state: Islam and religious politics in nineteenth century Russia / R. Crews // The American historical review. – 2003. – Vol. 108. – №1. – PP. 50 – 83.
11. Werth P.W. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905 / P.W. Werth. – Ithaca; London: Cornell University press, 2002. – 275 p.
12. Werth P. The Institutionalization of Confessional Difference: 'Foreign Confessions' in Imperial Russia, 1810–1857 / P. Werth // Defining Self: Essays on Emergent Identities in Russia, Seventeenth to Nineteenth Centuries. – Helsinki: Finnish Literature Society, 2009. – P. 152–153.
13. Werth P.W. Lived Orthodoxy and confessional diversity: the last decade on religion in modern Russia / P.W. Werth // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2011. – Vol. 12. – №4. – P. 849–865.